

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ И ВЛАСТЬ

Во всяком человеческом объединении можно различить деловой и коммунальный аспект. Второй из них (в отличие от делового) охватывает такие поступки людей и такие отношения между ними, которые обусловлены самим тем фактом, что людей в

человеческом объединении много и каждый из них в своей жизнедеятельности поступает в силу законов экзистенциального эгоизма: не действовать во вред себе, противиться действиям других во вред тебе, из двух зол выбирать меньшее, а из двух благ — большее и т. д. Члены объединения должны выработать средства самозащиты от самих себя. Коммунальный аспект охватывает, далее, все то, что члены объединения вырабатывают для сохранения единства объединения и для защиты его от сил, разрушающих его изнутри и извне. Все средства человеческого объединения, имеющие корни в коммунальном аспекте, я называю средствами коммунальности.

Именно в коммунальном аспекте формируется система власти и управления человеческим объединением, которая становится важнейшим средством коммунальности. Доминирование коммунального аспекта над деловым является социальной основой особого типа человеческих объединений, к числу которых можно отнести коммунистическое общество. Так что русский (советский) коммунизм не был чисто субъективным изобретением фантазеров, идеологов и революционеров. Он имел реальные основания в объективных законах социальной организации больших человеческих объединений в определенных исторических условиях. Его разгром не означает, будто исчезли эти основания. Они остаются. От них может избавить только полное исчезновение человеческого объединения.

Коммунальный аспект был и навечно останется необходимым компонентом человеческой жизни во всех человеческих объединениях — и в странах западного мира, и в постсоветской России, пока она существует как единое целое. И всегда будет порождать тенденцию к доминированию коммунального аспекта над деловым, которая в определенных условиях будет принимать форму тенденции к коммунизму. В социальной организации современных обществ без труда можно увидеть явления коммунальности, которые можно истолковать как зародыши или, наоборот, «родимые пятна» коммунизма. И как бы идеологи антикоммунисты ни чернили коммунизм, каким бы словоблудием ни занимались политики на этот счет, какие бы драконовы меры ни предпринимались против идей коммунизма и их приверженцев, «родимые пятна» коммунизма сохраняются, появляются вновь и будут появляться в будущем, временами угрожая охватить целые общества на длительное время, хотя того люди или нет.

Одним из важнейших факторов, порождающих явления коммуналности и тенденцию к реальному (а не к идеологически сфальсифицированному!) коммунизму, является то, что сейчас называют чрезвычайными ситуациями (буду для краткости обозначать их буквами «ЧС»). Это такие ситуации, которые возникают в каких-то частях страны и в стране в целом и которые ведут к тяжелым последствиям для людей вплоть до гибели частей объединения и даже всего объединения. Сейчас в России эти ЧС стали настолько частыми и серьезными, что пришлось создать особое федеральное министерство по борьбе с ними, а лицам, ответственным за их преодоление, пришлось предоставлять особые полномочия, выходящие за рамки принципов демократии. Если этого не делать, то массы людей, попавших в ЧС, в состоянии отчаяния будут явочным порядком принимать меры спасения. Нет надобности говорить, чем это угрожает человеческому объединению.

Сейчас уже забыли о том, что советский (коммунистический) социальный строй сложился в значительной мере как средство преодоления огромного числа ЧС во всех сферах и регионах страны, а также гигантских ЧС, охватывавших всю страну. Ленинское и особенно сталинское руководство действовали не по каким-то высосанным из пальца марксистским инструкциям — никаких таких инструкций в марксизме вообще не было, а если и было что-то похожее на них, с этим фактически не считались или действовали наоборот. Оно действовало в силу вынужденности условиями ЧС, в силу жизненной необходимости. И многомиллионные массы населения понимали это и оказывали поддержку ленинско-сталинскому руководству. Русский реальный коммунизм возник как добровольное движение масс в условиях постоянных жизненно опасных ЧС. Насилие играло роль, но лишь как средство организации добровольности. Добровольность сама по себе не включает в себе способность к самоорганизации.

После Второй мировой войны в Советском Союзе резко ослабла угроза крупных ЧС и потребность в их преодолении. Я в свое время отметил как одну из важнейших причин ослабления готовности масс населения к преодолению ЧС тот факт, что была «пропущена» одна мировая «горячая» война. Следствием этого явилось ослабление коммунистической социальной организации в Советском Союзе как организации, созданной для борьбы с ЧС и их последствиями. Тут произошло нечто подобное тому, что происходит со спортсменом, переставшим тренироваться и утра-

тившим перспективу использовать результаты тренировок. Русский коммунизм утратил качества профессионального борца с ЧС, расслабился и стал разлагаться внутренне. И, как оказалось, было достаточно сравнительно небольших усилий со стороны Запада, чтобы нанести ему смертельный удар.

Вследствие антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы Россия вступила в эпоху перманентных ЧС. Парадокс истории тут состоит в том, что социальная организация, наилучшим образом приспособленная для преодоления ЧС, разрушена. И именно это послужило основным фактором начала эпохи перманентных ЧС. Но сами по себе ЧС не ведут к коммунистической революции и к установлению коммунистической социальной организации. Они способствуют лишь тенденции к этому как одной из тенденций эволюции, но не единственной и в сложившихся условиях весьма слабой. Та социальная организация, которая пришла на место коммунистической, вынуждена иметь дело с ЧС, но не рассчитана на их преодоление. Она действует, но спорадически и не лучшим образом, поскольку сама слаба и располагает мизерными ресурсами. Она скорее имитирует деятельность, создавая видимость успешности, и этого достаточно для ее самоутверждения.

Особенность нынешней ситуации в России состоит в том, что деятельность по преодолению ЧС почти полностью становится обязанностью центральной власти — «Кремля». При этом «Кремль» не располагает такими ресурсами и такими средствами мобилизации населения страны, какими располагал советский «Кремль». Сегодняшнему российскому «Кремлю» приходится фактически вести перманентную борьбу с другими компонентами социальной организации постсоветской России, и прежде всего с экономической и правовой сферами. И чем чаще будут возникать ЧС (а это неизбежно) и чем серьезнее они будут (и это тоже неизбежно), тем отчетливее будет проявляться внутренняя конфликтность самой новой социальной организации России и тем больше «Кремль» будет вынуждаться действовать советско-образно, по-коммунистически. Различные органы, комиссии, учреждения и отдельные личности будут во все возрастающей степени получать повышенные (сверхдемократические) полномочия действовать так, что это будет давать повод определенным силам в стране усматривать в этом тенденцию к реставрации советизма (коммунизма). «Кремль», со своей стороны, будет стре-

миться демонстрировать свой антикоммунизм, свою верность «демократическому» курсу, выработанному в ельцинские годы. Последствия такого состояния постсоветской социальной организации, я думаю, уже очевидны: низкая эффективность в преодолении ЧС и высокая эффективность в их порождении.

ЧС стали привычными буднями постсоветской России, но социологи что-то не торопятся заняться серьезным научным изучением этого феномена. Отсутствует самая элементарная классификация ЧС. В частности, проблема борьбы с организованной преступностью и терроризмом фактически стала проблемой ЧС. А между тем тут в одну кучу сваливаются самые разнородные явления. Все отчетливее стали проявляться ЧС, охватывающие не отдельные части страны и частные подразделения жизни людей, а всю страну в целом, — ЧС социальные. К их числу относятся проблемы территориальной целостности и обороноспособности страны, состояния экономики, организованной преступности, алкоголизма, наркомании, вымирания русского населения, детской беспризорности, деградации образования и науки, идейного и культурного падения и беспредела и т.д. Это общеизвестно. Но все явления такого рода не рассматриваются как ЧС. Они суть следствия антикоммунистического переворота и деятельности новой, постсоветской, социальной организации. Реформаторы делают вид, что это — не продукты реформ. Сваливают вину на советские годы («наследие коммунизма»), на некие трудности «переходного периода», на некие «мировые процессы» и т.п. Предпринимаются какие-то меры в отношении этих явлений, умалчивать о которых стало невозможно. Власти декларируют намерения навести должный порядок и обеспечить перелом и подъем. Но способна ли власть в рамках постсоветской социальной организации преодолеть такие ЧС социального масштаба, сохранив при этом единство, целостность и суверенитет страны? Вряд ли. Она может имитировать советскообразное поведение, сделать хорошую мину при плохой игре, найти словесно оправдание своим действиям и представить любой ход событий как свой успех. Но не более того. Реальное преодоление таких ЧС невозможно без радикальных перемен в самой социальной организации страны. Тут мало решений и распоряжений высшей власти. Тут нужен практически действенный механизм исполнения этих решений и распоряжений, способный использовать все ресурсы страны и мобилизовать их на достижение единой цели.

Существующая социальная организация России априори исключает такой механизм. Не для этого она искусственно создавалась теми, кто организовал антикоммунистическую контрреволюцию в стране и пришел благодаря ей к власти.

В западном мире точно так же имеют место ЧС, растет их число и возрастает степень их серьезности и масштабности. Но тут есть существенное отличие от России. Запад интегрируется и структурируется в направлении сверхобщества, что было направлением эволюции России в советские годы. Теперь Россия отреклась от этого пути, разгромив свое сверхобщество, пусть коммунистическое, но сверхобщество, т. е. объединение более высокого уровня социальной организации, чем были громившие его в годы холодной войны западные страны. Теперь Россия опустилась на более низкий уровень социальной организации. От коммунизма осталась лишь тенденция к советизации, обусловленная универсальными законами коммунальности и подогреваемая постоянными ЧС. В России доминирует тенденция к атомизации и дезинтеграции. Запад сравнительно с Россией огромен и чудовищно богат. В его социальной организации достаточно средств для решения проблем коммунального аспекта, включая преодоление ЧС социального характера и масштаба. Западнизм содержит в себе в «растворенном» виде основные качества реального коммунизма. Они нисколько не угрожают ему. Эволюция западного мира пошла в таком направлении, что проблема преобразования социальной организации там вообще потеряла практический смысл. Запад строит свой коммунизм, но не для всех, а для избранных и без идеологических дут и предрасудков. Россия просто не в силах тягаться с Западом в этом отношении. Ей остается лишь имитация западных образцов при отсутствии реальных сил для преодоления все нарастающих ЧС. В какой мере она способна допустить усиление единственно доступного для нее средства на этот счет — коммунистической тенденции, — это зависит от конкретных обстоятельств, которые трудно предсказать и спланировать.